

Снаружи висели небесные фонарики, каждый из которых ничем не отличался от того, что он держал в руках. Все они были наполнены самыми искренними пожеланиями, но сегодня вечером им суждено было сгореть в огне, превратившись в пепел.

Бай Хэн незаметно подошел сзади, и, конечно, он тоже увидел ту надпись. Увидев, как Цзин Сы вздыхает и ставит фонарик на стол, он не удержался и обнял Цзин Сы за талию:

— Ваше Высочество, вы сожалеете?

Цзин Сы, погруженный в запутанные мысли, не сразу оттолкнул его. Помолчав долгое время, он наконец произнес:

— Не слишком ли я эгоистичен, поступая так?

— Хм, — Бай Хэн, конечно, знал, о чем он думает. Даже если он понимал, что Цзин Сы — самый достойный занять тот трон, но если бы это случилось, он никогда бы не смог обнять его. Если говорить об эгоизме, то самым эгоистичным был он сам. Он взял Цзин Сы за руку. — Пойдем со мной.

Цзин Сы, не сопротивляясь, последовал за его шагами, наблюдая, как тот медленно приближается к кровати, на которой лежал Цзин Вэй.

Цзин Вэй внезапно впал в кому два дня назад и до сих пор не приходил в себя.

Бай Хэн подвел его к кровати и отпустил, с кислым выражением лица:

— Император уже на грани смерти. Если мы не отвезем его в Долину Бессмертных Целителей, он умрет. Неужели вы все еще сомневаетесь?

Видя, что Цзин Сы молчит, опустив голову, Бай Хэн добавил:

— Я думал, что в этом дворце есть настоящая семейная любовь, но, оказывается, это просто слова.

— Хватит, — резко прервал его Цзин Сы.

На этот раз Бай Хэн не испугался его тона:

— Рецепт, который может спасти Императора, знаю только я. Если вы не пойдете со мной, я не скажу его.

Цзин Сы проигнорировал его, сделав несколько шагов вперед, сел на край кровати и внимательно посмотрел на все более худое лицо Цзин Вэй.

Цзин Вэй был очень неуверенным в себе человеком, во многом он был больше похож на ребенка, чем Цзин Сы. Но Цзин Вэй отдавал все, чтобы баловать и любить его. Даже если в народе имя наследного принца Цзин Сы давно затмило имя императора Цзин Вэй, тот никогда не беспокоился об этом. Более того, он был готов в любой момент отдать трон Цзин Сы, если тот пожелает.

Для Цзин Сы Цзин Вэй был тем, от кого он никогда не смог бы отказаться.

Цзин Сы сделал так много для Да Юн, и это, конечно, не было лишь попыткой завоевать славу. Он не оставался равнодушным к благодарности народа.

Но Да Юн мог существовать и без Цзин Сы, там были верные министры и мог появиться новый мудрый правитель. Но Цзин Вэй без Цзин Сы действительно не смог бы выжить.

Цзин Сы сжал рукав своего одеяния и, опустив взгляд, сказал:

— Я, конечно, не передумал. Действуй по плану.

Бай Хэн, видя его подавленное состояние, с трудом сдерживал жалость. Он подумал, что, покинув Юнду, он возьмет Цзин Сы с собой путешествовать по горам и водам. Цзин Сы больше всего любил природные пейзажи, и тогда он сможет забыть о делах Да Юн и снова стать счастливым.

Хотя он так говорил, Бай Хэн все равно не мог смотреть на печаль Цзин Сы. Он взял с стола красивый фонарик в форме лотоса и положил его в руки Цзин Сы:

— Этот фонарик, кажется, тебе понравился. Оставим его.

Цзин Сы сжал деревянную палочку, на которой висел фонарик, и промолчал.

Бай Хэн понимал, что он не сможет быстро прийти в себя, но ничего не мог поделать. В этот момент снаружи послышался голос слуги, докладывающего о чем-то.

Цзин Сы вздрогнул и машинально ответил:

— Войдите.

Вошел охранник, который, преклонив колени, опустил голову и доложил:

— Ваше Высочество, только что пришло сообщение, что генерал Хулюй Чэн во время охоты случайно упал с лошади и сломал ногу. Сегодня вечером он не сможет лично присутствовать на вашем празднике в честь дня рождения.

— Это подарок от генерала Хулюй Чэн, — почтительно произнес охранник, доставая из рукава маленькую деревянную шкатулку и поднимая ее обеими руками над головой.

Бай Хэн, не питавший симпатий к Хулюй Чэн, внутренне раздраженно вздохнул, но не показал этого на лице. Осмотрев шкатулку, он передал ее Цзин Сы.

Цзин Сы удивился, что такой опытный воин, как Хулюй Чэн, мог случайно упасть с лошади и получить травму. Содержимое шкатулки его не заинтересовало, и он, приняв ее, просто положил в рукав, спросив охранника:

— Сообщил ли посыльный, какова степень травмы генерала?

— Ваше Высочество, — охранник вспомнил слова солдата, — травмы генерала довольно серьезные, и ему потребуется несколько месяцев для выздоровления.

— Понятно, можешь идти, — сказал Цзин Сы. — Завтра выбери из кладовой лучшие лекарства и отправь ему.

Охранник поклонился и вышел.

— Хулюй Чэн не пришел, и это хорошо, — сказал Бай Хэн, когда охранник ушел. — Одной проблемой меньше.

— Мне больше нравится, когда ты молчишь, — Хулюй Чэн помогал ему много раз, и, услышав такие холодные слова, Цзин Сы невольно нахмурился, чувствуя, что Бай Хэн становится все более раздражающим. — Выйди, мне нужно переодеться.

Бай Хэн понимал, что сейчас не стоит его еще больше раздражать, поэтому просто вышел за дверь.

Снаружи Восточного дворца шум толпы и яркие фонари на мгновение ослепили Бай Хэн.

Люди, погруженные в радость празднования дня рождения наследного принца, не знали, что с восходом солнца завтра наследный принц Да Юн Цзин Сы исчезнет.

Цзин Сы разгладил последнюю складку на своем красном парадном наряде и поднял глаза, глядя на зеркало в полный рост, стоящее неподалеку.

В зеркале отражался юноша, которому скоро исполнится восемнадцать. Его черные как смоль волосы были наполовину собраны в нефритовую корону, а остальные пряди покорно скрывались под роскошным одеянием, лишь изредка показывая светло-зеленый кончик у пояса. Отражение в зеркале повторяло движения человека перед ним, и когда их глаза, сияющие как звезды, встретились, все лицо наконец проявилось полностью. Белоснежная кожа, алые губы, ни одно стихотворение не могло описать и малой доли его красоты.

Он поднял руку, и рукав с вышитым узором дракона чи соскользнул, обнажив белую кожу предплечья. Бледный палец коснулся зеркала, и алые губы шепнули:

— Прощай.

Его голос был едва слышен.

Когда Цзин Сы вышел за дверь, Бай Хэн был поражен его красотой. С возрастом Цзин Сы все реже носил ярко-красные одежды, как в детстве, предпочитая темно-красные оттенки. Этот парадный наряд был создан тремя тысячами вышивальщиц из мастерской тканей, которые более двух лет трудились над ним, используя редкие нити, чтобы вышить каждый дюйм ткани. Весь наряд был ярко-красным, как киноварь, и Цзин Вэй назвал его «Киноварное одеяние», притягивающее взгляды.

Но сейчас Цзин Сы, облаченный в этот роскошный наряд, стоял под тысячами цветочных фонариков, и его сияние затмевало даже яркость красного одеяния и ослепительных фонарей.

Его блеск, казалось, был от природы ярче всего в этом мире, и те, кто чувствовал себя неполноценным, легко могли найти его.

У входа уже ждал паланкин, чтобы отвезти Цзин Сы на самую высокую Башню для созерцания звёзд в Юнду.

Цзин Сы все еще держал в руке фонарик в форме лотоса с написанными на нем словами. Он посмотрел на него и протянул Бай Хэн:

— Сохрани его для меня.

Бай Хэн взял фонарик и почувствовал легкий аромат османтуса, пронесшийся мимо его носа. Цзин Сы уже шел к выходу.

— Ваше Высочество... — Бай Хэн не удержался и, когда Цзин Сы проходил мимо, назвал его по имени. Увидев, что тот обернулся, он добавил:

— Вы сегодня прекрасны.

В Да Юн мужчины, в отличие от женщин, уделяли больше внимания одежде и внешности, гордясь своей красотой. Поэтому такие слова Бай Хэна не казались неуместными.

— Бай Хэн, — Цзин Сы сияюще улыбнулся и тоже назвал его по имени, — позаботься об отце.

Бай Хэн с готовностью опустился на колени перед ним, глубоко склонив голову в знак покорности:

— Как прикажете, Ваше Высочество.

— Дзынь... — медный колокол на Башне для созерцания звёзд уже прозвучал, и его звук донесся до Восточного дворца, сигнализируя о том, что министры поднимаются на башню.

— Поехали, — Цзин Сы опустил занавеску паланкина, и слуги подняли его, направляясь к башне.

Бай Хэн, как и бесчисленное множество раз прежде, стоял у входа в Восточный дворец и провожал его взглядом.

Это было просто обычное прощание, так он думал.

Когда Цзин Сы прибыл на Башню для созерцания звёзд, кроме двух пустых мест наверху, весь просторный помост был заполнен.

— Да здравствует наследный принц, тысячу лет, десять тысяч лет, десять тысяч тысяч лет! — Министры уже знали, что император нездоров и не появится на праздновании дня рождения в этом году, поэтому, увидев Цзин Сы, пришедшего одного, они не удивились.

— Встаньте, — Цзин Сы подошел к месту, чуть ниже трона, и сел, как обычно, с теплой улыбкой.

Среди склоненных голов Хулюй Чэн поднял глаза и издали посмотрел на Цзин Сы, затем поспешно опустил их.

<http://bllate.org/book/16771/1563854>